

УДК 681.51.001.300.37

ВЕЧНАЯ ТЕНЬ РЕАЛЬНОСТИ: ОЧЕРК ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ СНОВИДЕНИЙ*

С.П. ЩАВЕЛЕВ*Курский государственный
медицинский университет**e-mail:
sergei-shhavelev@yandex.ru*

В статье дается очерк тематики онейрологии — пограничной между философией и рядом специальных наук отрасли знания, рассматривающей природу и значение сна и сновидений в человеческой жизни и культуре.

Ключевые слова: сон, сновидение, нарратив, семиотика, сомнология, онейрософия.

Проблема сна и сновидения занимала человека на протяжении всей истории его существования. И могло ли не интересоваться его то странное состояние, в котором каждый из нас пребывает почти треть своей жизни и при котором обычное сознание как бы отключается и нередко заменяется то якобы реалистическим, а то фантастическим калейдоскопом видений? Различные культуры, целые этапы развития мировой цивилизации характеризовались своеобразным отношением к интересующему нас феномену. Но практически всегда и везде процесс и сам образно-смысловой материал сновидений участвовали в выработке отношения человека к миру и самому себе, служили одним из ментальных механизмов рефлексии над самыми разными вопросами — от житейских до метафизических.

На самых ранних стадиях культуры еще не прослеживается отчетливой грани между сном и явью. Первобытное мышление склонно было принимать видимое во сне за реальные события. Мир сновидений для представителя наиболее архаичных обществ не выглядел каким-то «потусторонним». Сон воспринимался ими как прямое продолжение дневной реальности (должно быть, по причине значительной мифологизации этой последней). Этнография накопила достаточно свидетельств тому. Вроде того случая, когда африканец, которому во сне привиделся укус змеи, подвергался после пробуждения такому же лечению, какое следовало бы за действительным укусом¹; или же паники в селении индейцев, одному из которых приснились подкрадывающиеся враги².

Со сном первобытным сознанием смешивалась не только жизнь, но и ее вроде бы антипод — смерть. Одним из важнейших стереотипов культуры всего человечества является восприятие сна как временной смерти. Такое представление о сне характерно для практически любой религиозной и мифологической системы. Одна из самых распространенных поз труположения в разных археологических культурах — так называемая скорченная — явным образом имитирует «вечный сон». В христианстве это представление подкреплялось священным писанием: «Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его»³.

Таким образом, для наиболее примитивного сознания сон — это пусть особая, но часть реальности, привычная людям и при их жизни, даже в состоянии бодрствования, и кажущаяся такой же после смерти, за гробом.

Поскольку человек во сне видит себя пребывающим в самых различных местах, при любых обстоятельствах, то мифолого-религиозное сознание по-своему логично пришло к заметному усложнению рассматриваемого вопроса. А именно, к идее души и ее странствия во время сна, когда тело покоится. Соединившись с идеей сверхъестественного по-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-33-01018 «Духовная практика как философская проблема: онтологические, эпистемологические, аксиологические аспекты».

¹ Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002. С. 36.

² Фрэйзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1980. С. 177. См. также: Тэйлор Э. Первобытная культура. М., 1939. С. 225-226.

³ Иоан. 11, 11-13.

тустороннего мира – обиталища предков, духов, богов, тема сна (как состояния, сменяющего бодрствование тела и духа, и, соответственно, его ментального содержания) в развитой мифологии и, тем более, в мало-мальски развитых религиях всего мира трактуется как некое «семиотическое окно» в эту *другую реальность*. Сновидение, таким образом, после пробуждения осознается уже не как продолжение обычной реальности, но как ее онтологическая и эпистемологическая противоположность. А именно, сны имеют свою топографию и хронологию, отличную от аналогичных показателей бодрствующего сознания. Во сне возможно такое, чего не достичь наяву. Преемственность подобного взгляда с предыдущей проекцией сна состоит в признании взаимосвязи мира сонных грез и жизни наяву. Общение с духами во сне учит тому, как поступать после возвращения в бодрствующее сознание. Именно такой поход «наверх» или «в глубины» мироздания практикуется шаманскими трансами, включающими в себя применение галлюциногенов и иные методики достижения пограничных состояний между сном и бодрствованием разного рода аскетами ⁴.

В шаманизме, независимо от его исторической географии, имеет место особое отношение к сновидению и особые практики его. Так, именно в сновидениях может производиться обряд инициации шамана, когда тот отправляется «на небеса», где различные божества готовят его и посвящают в тайны природы. Здесь, кстати, мы вновь встречаемся со связью сна и смерти: инициация – перерождение в новое качество. Такой обряд не может обойтись без переживания смерти (в случае с шаманизмом – символическое расчленение), опять-таки в состоянии сна или похожего на него «обмирания».

В общем, следует признать, что именно при помощи сновидений, благодаря их интерпретациям, представители самых разных культур так или иначе конструируют свои представления не столько о «настоящей», сколько о трансцендентной реальности, инобытии мира и духа. Так, по мнению А.И. Розова, состояние сна оказалось единственным в естественном жизненном цикле человека психологическим состоянием, содействовавшим его обращению к религии. А в ней, в свою очередь, проявилось аналогичное сну погружение в «дремные грезы» – стремление избавиться от мирской суеты, стряхнуть бремя житейских тревог и несчастий, «забыться и заснуть», как сказал поэт ⁵. Такое удвоение, по ряду причин, повлекло за собой особую эмоционально-художественную полярность, которая выразилась в отрицательном отношении к миру «этому» как «юдоли скорби» ⁶, и положительном – к «тому», горнему миру как обиталищу неких универсалий, Царству небесному.

Хотя такого рода представления бывает не всегда просто адекватно понять с иных мировоззренческих позиций, трудно переоценить роль сновидческого материала при анализе религиозно-мифологических представлений. Между тем, философия и богословие чаще всего недооценивали роль сна при формировании и поддержании самой идеи чего-то запредельного земному «бытобытию». В средневековой Европе, например, официальной церковью считалось, что сон – время, «украденное у покаяния», и к тому же, представляющее опасность подвергнуться дьявольскому соблазну (вспомним хотя бы ночных демонов суккубов и инкубов, соблазнявших наяву праведных прихожан во сне, согласно средневековой мифологии) ⁷.

Индивидуальный опыт визионерства, коим и является сновидение, действительно содержит коммуникативное начало, состоящее в контакте сновидца с некой потусторонней реальностью. С самых ранних времен все сновидения делились их «авторами» и слушателями на две категории – вещие, имеющие онейромантическое значение, и лишённые такового. Как в древности, так и сейчас содержание снов и близких им видений обычно воспринимается как некое сообщение, полученное сверхъестественным образом и подлежащее расшифровке, экстериоризации (т.е. трансляции вовне ради понимания,

⁴ Амайон Р.Н. Традиционный сибирский охотничий шаманизм // Шаман и вселенная в культуре народов мира. СПб, 1997. С. 128–143; Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев – София, 2000. С. 89.

⁵ Розов А. И. Психологические аспекты религиозного удвоения мира // Вопросы философии. 1987. № 9. С. 118–127.

⁶ Псал., 83, 7.

⁷ Словарь средневековой культуры. Под ред. А. Я. Гуревича. М., 2003. С. 500–505.

толкования). Причем возможное поле для толкования сновидений оказывается весьма и весьма широко, по сути неисчерпаемо как с научных, так и с вненаучных позиций. Вообще, воспоминание, репродукция – это единственный источник нашего знания о сновидениях. Ведь знание возможно только в контексте бодрствующего сознания, тогда как во сне душа функционирует заведомо непроизвольно. Недавние попытки создания технических программ для сновидений нужного содержания (моделируемые перед сном и во время него запахи, звуки, прочая кинестетика), о которых сообщали средства массовой информации, – не более чем очередной рекламный прием для завоевания соответствующего сегмента рынка товаров и услуг.

Любой рассказ о виденном сне, т.е. сама возможность запоминания и воспроизведения визуального ряда «оттуда», уже представляют собой некую интерпретацию. Эта последняя возможна как на уровне индивидуального творчества символов из содержания сна, так и на более трафаретном уровне сложившихся в общественном сознании коннотаций для тех или иных топосов, бродячих сюжетов из области сновидческого мира. Эта разновидность вненаучного знания со временем оформляется специальными жанрами устного народного творчества, а затем и рукописной и печатной книжности. Сонник представляет собой перечень ключевых лексем (предметов, лиц, действий, то и дело появляющихся во сне) и их предполагаемых значений. Перед нами органичная часть так называемого общего знания житейской традиции, один из прикладных жанров художественной литературы. На практике восприятия и толкования сновидений в рамках массового сознания, народного менталитета происходит чередование и переплетение литературных и устных, канонических и индивидуально-фантазийных источников смыслов, как это вообще присуще фольклору. Сам обычай «расколдовывания», нейтрализации зловещих снов путем их немедленного рассказа (да ещё при льющейся струе воды), представляет собой явный реликт мифо-магической практики, отмеченной мной выше.

Справедливости ради надо оговорить, что вера снам в народной культуре обычно соседствует со скептицизмом по тому же самому поводу (Русские пословицы гласят не только про вещей «сон в руку», но и так, что: «Снам верить, так и дело не делать»; «Страшен сон, да милостив Бог»; «Куда ночь – туда и сон»; «Во сне Бога молит, а во хмелю кается», «Не верить ни в сон, ни в чох, ни в птичий гай...» – выражение жизненной доблести; похожие паремии есть у разных народов; ср. исландскую: «Сны сбываются так, как их истолкуешь...»). Тем самым лишний раз выражается этическая и эпистемическая амбивалентность настоящего фольклора, который никогда не заикливаются на одной из сторон жизненных дихотомий – добре или зле, знании или незнании и т.п. Психологически понятно, что женщины обычно верят снам больше, чем мужчины (русский фольклор отмечает «девичьи сны – бабьи приметы»); сильные духом – меньше, чем слабые; представители архаичной культуры серьезнее относятся к снам, нежели лица, просвещенные научно-техническим знанием.

По указанным причинам изучение сонников, созданных и перенятых в разные времена разными народами, может быть очень полезным, а иногда просто необходимым при исследовании мифологических представлений, характерных для той или иной этнической, социальной группы или же периода, региона в истории культуры.

В Древней Греции сновидения, в общем, делились на «физиологические» и «божественные» (т.е. имеющие значение для предсказания будущего). Во II в. н. э. Артемидор Эфесский составляет свою «Онейрокритику», дошедшую до нас как «Сонник Артемидора». Этим произведением в значительной степени аккумулирован весь индоевропейский опыт снотолкования. Помимо двух только что упомянутых нами групп, Артемидором различаются сновидения: во-первых, соответствующие действительности; во-вторых, аллегорические; а также, в-третьих, типические сновидения, позволяющие определить душевное состояние сновидца. Ж. Ле Гофф подчеркивает тот факт, что общественные, политические и ментальные структуры древнегреческого полиса активно влияют на толкование снов: «Смысл сновидения изменяется ... в большей степени от профессиональной принадлежности, правового и общественного статуса сновидца. Типология снов на основе профессиональной занятости и гражданских функций сновидцев присутствуют на протяжении всего "Сонника" Такое же разделение проходит между мужчинами и женщинами»⁸.

⁸ Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 219.

Наибольшее влияние на европейскую снотолковательную традицию оказали Аристотель и неоплатоник Макробий. Последний привел следующую типологию всей этой «иной реальности»: ниспосланные свыше пророчества (*oraculum*); видения (*visio*); сны, нуждающиеся в интерпретации (*somnium*); ничего не значащие (*insomnium*); болезненные (*phantasma*); кошмарные (*ephialtes*)⁹.

И эта, ставшая в чем-то архетипической для Средневековья и отчасти для Нового времени на Западе, и иные, западные и восточные варианты алгоритмов снотолкования при всей их разнице обнаруживают сходную идейную базу. А именно, разделение снов по критерию их предсказательности на будущее после пробуждения до сих пор остается наиболее распространенной и в народной культуре, и в рационализированной, наукоемкой психотехнике моделью сновидения. В особенности в известной методике психоанализа доктора З. Фрейда и его последователей, надо признать, небезуспешной для клинической диагностики и терапии неврозов

Несмотря на то, что любой сонник не может служить универсальной моделью снотолкования в силу своей исключительно семантической направленности и пренебрежения прагматической стороной феномена, этот жанр утилитарной словесности пользуется неизбывной популярностью с древности до наших дней. В Западной Европе преобладали авторские сонники (правда, составленные чаще всего профессиональными гадалками, оккультистами и прочими искусными шарлатанами). Обращаясь к русскому соннику (шире глядя, корпусу толкований снов), следует отметить, что у всех славянских народов их существовало два вида: сонники книжные и устные (народные). На Руси преобладали анонимные произведения данного жанра, переводные компиляции, записи устного народного творчества на сей счет. Впрочем, среди составителей сонников в XIX–XX вв. находились не только предприимчивые книгоиздатели и прочие дельцы, но и серьезные писатели (скажем, А. Ремизов), и этнографы-фольклористы (см. хотя бы соответствующие статьи в словаре и пословичнике В.И. Даля). Своеобразный книгоиздательский бум соннического жанра пришелся на 1920 – 1930-е гг. (сказались апокалиптические настроения между Мировыми войнами?).

Интересно, что в то же время на первый пик своего развития вышло и объективизированное, естественнонаучное изучение процесса сна – был изобретен энцефалограф, и Р. Бергер разработал методику записи электропотенциалов работы мозга в виде графиков. Еще ранее, в 1892 г. Дж.Т. Лэдд выдвинул предположение о связи сна с движением глаз у спящего. Это, в конечном счете, привело к открытию в 1953 г. Ю. Азеринским и Н. Клейтманом так называемой БДГ-активности. С тех пор физиологи и врачи продолжают и не без успехов изучать природные механизмы сна у животных и человека¹⁰.

Так, была всесторонне изучена связь сомнических и мнемических процессов. Оказалось, что во сне происходит закрепление разных типов долговременной памяти, причем декларативная (сознательная, эксплицитная) память закрепляется в фазе медленного сна, а процедурная (бессознательная, имплицитная) – в фазе быстрого сна¹¹. Тем самым сон и сновидения оказываются не дополнением или украшением сознательной жизни, а ее непременным условием, своего рода связующей «арматурой» всего массива людского бытия.

Однако достижения и проблемы в области нейробиологии сна, медицинские, психотерапевтические вопросы регуляции сна и бессонницы пока практически не коррелируют с постижением места этого феномена в культуре и человеческом самопознании (в

⁹ Петрова М. С. Классификация снов у Макробия и знание ее в средние века // Средние Века. Вып.64 / отв. Ред. А. А. Сванидзе. М., 2003. С. 129–130.

Специально и глубоко рассмотрел античную онейрософию мой аспирант Александр Валерьевич Львов. См.: Львов А.В. Феномен сновидения в философской антропологии (На материале античной философии). Автореф. дисс. ... канд. филос. н. СПб., 2007.

¹⁰ Вольперг И. Е. Сновидения в свете науки. Л., 1960; Ростеванова Е.А. Проблема сновидения в современной психологии. Автореф. дисс. канд. псих. н. Тбилиси, 1956; Левин Я.И., Вейн А.М. Нарушения сна и бодрствования. М., 1974; Борбели А. Тайна сна / Пер. с нем. М., 1989; Романов А.И. Медицина сна. М., 2008; Ковальзон В.М. О функциях сна // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2009. Т. 29. № 5–6; Грибакин С.Г. Значение сна для развития ребенка // Педиатрия. 2010. Т. 89. № 1; др.

¹¹ Марков А. Эволюция человека. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. М., 2012. С. 112–114.

этом последнем случае можно говорить о своего рода «онейрософии» как полноправной составляющей философии и ряда других гуманитарных дисциплин).

Повторим, что семиотизация сновидений не может быть полностью стандартизирована. Соотнесение увиденного во сне и «разложенных по полочкам» кластеров сонника всегда носит отчасти спорный, во всяком случае творческий характер. Как и многие другие практические навыки, разгадка снов скорее искусство, нежели «народная наука» (наподобие примет о погоде, урожае; знахарских рецептов и т.п. более алгоритмизируемых сюжетов этнопознания). Истолкование конкретных сновидений обречено находиться между двумя полюсами — хаосом ночного видения и четкой структурой сонника (или даже «просто» попытками дискурсивного самоанализа приснившегося).

Основная сложность «сомнологии» (т.е. изучения сновидений как особого феномена) состоит в том, что подобный опыт сугубо индивидуален по своей природе. Любое сновидение замкнуто в самом себе. Невозможно, скажем, видеть один и тот же сон разным людям. Человек, погруженный в мир сонных грез, всегда остается наедине с собой. Чье-либо участие в его сновидческих переживаниях исключено. В царстве Морфея отсутствует даже эмпатия, позволяющая людям наяву сопереживать друг другу. Психологическая герметичность сна неизбежно сказывается на попытках его последующей интерпретации.

Известно, что факторы, влияющие на такую интерпретацию, разнообразны. Здесь и физическое, а особенно эмоциональное состояние визионера до, во время и после сна; и последовавшие за сном реальные события; и отношения в кругу тех людей, которые хотят поведать друг другу о своих снах; и каноны культуры этноса, общественного слоя, куда относятся сновидцы и, главное, снотолкователи. Материалом для изучения этих факторов и механизмов снотолкования являются разного рода тексты — проекции снов, составленные самими сновидцами. К числу произведений этого рода принадлежат и устные описания увиденного во сне (включая сожаления или радость по поводу забытых или полужабытых снов); и рассказы о том, как сны сбывались или же нет. Такого рода фиксации интересуют не только астрологов и прочих мистиков, но и ученых — фольклористов, этнографов, социальных психологов, историков менталитета, культурологов. Правда, в отечественной гуманитарной науке эта проблема была поднята сравнительно недавно (XXVI Випперовские чтения 1993 г. в Москве оказались посвящены теме «Сон — семиотическое окно», а в 1998 г. в РГГУ прошел «круглый стол» на тему «Сны и видения в народной культуре»), но с тех пор внимание к ней усиливается (так, медиками и гуманитариями на базе нескольких университетов проведено уже 6 Российских конференций «Сон — окно в мир бодрствования»).

Наименее разработанным сегодня остается философско-методологический анализ феномена сновидений, как в историко-философском ключе, так и в плане комплексного, междисциплинарного обобщения. Между тем, эта проблема затрагивалась на разных этапах эволюции философского знания, привлекала внимание ярких представителей отдельных школ и направлений метафизического мышления.

Отметим до сих пор не согласованные друг с другом основные подходы к философии сна. Большинство авторов, писавших на эту тему, исходило из того, что сновидение представляет собой процесс, протекающий в режиме реального времени в психике спящего (на грани сознания и бессознательного). Процесс сновидений с этой точки зрения в существенной степени подобен процессам, протекающим в сознании бодрствующего человека; эти процессы взаимозависимы и сопоставимы между собой. Такова, между прочим, концептуальная основа фрейдистского подхода к диагностике сновидений, получившего наибольшее признание с теоретических и практических позиций в современной медицине и философии. Сон в рамках этой доктрины рассматривается как *бессознательный символ реальности*. Реальным автором сна выступает, следовательно, психоаналитик, а точнее его микрогруппа с пациентом-сновидцем.

Однако в 1950-х годах учеником Л. Витгенштейна Н. Малкольмом представление о сне как некоем реальном процессе было подвергнуто аргументированной критике, поскольку оно не подлежит верификации (в духе неопозитивизма). Единственным критерием сновидения является рассказ о нем. На самом деле сон — вовсе не то, что якобы ви-

дит спящий, а то, что о нем рассказывает бодрствующий¹². Перед нами частный случай ситуации языковых игр, изучению которых посвятил свои последние годы сам Л. Витгенштейн. Соответственно, культурно-антропологический анализ феномена сновидений с этих позиций сводится к изучению практики рассказывания снов. Эта практика, в свою очередь, подразумевает ярмо коммуникативных процессов, обладающих культурной, социальной и локальной спецификой: в разных странах представители разных слоев общества рассказывали сны по-разному и с разными целями. Статус решающего субъекта сновидения тут еще повышается с уровня микрогруппы, до макро- и мегауровней всего социума и его больших стратов.

К сходным выводам вела еще теория «обратного времени», предложенная П.А. Флоренским. Согласно его построениям на сей счет, сновидения «соответствуют ... мгновенному переходу из одной сферы душевной жизни в другую и лишь ... в воспоминании ... развертываются в наш, видимого мира, временной ряд; сами же по себе имеют особую меру времени — "трансцендентальную"¹³. Похожую концепцию развивает финский исследователь А. Кайвола-Брегенхой, который замечает, что «опыт начинает эволюционировать в нарратив даже во время припоминания сна»¹⁴. Иначе говоря, «припоминание» сна и есть момент его рождения. Так выглядит концепция сна как творчества сознательного смысла и его нарративизации.

Как видно, изложенные проекции сна можно условно назвать интра- и экстравертистскими. Та и другая акцентируют различные этапы существования сна, состояния сновидца и отдельные уровни онтологии сновидения. Первая концепция, соответственно, — исходную, «ночную», а вторая — конечную, «дневную»; в первом случае первична динамичная психика спящего как функция его тела и души, а во втором на первый план выводятся культурные контексты восприятия, «встречающие» психику всякий раз, когда она пробуждается ото сна. Понятно, что адептам каждой теории есть что возразить друг другу. Так, неотрейдист мог бы заметить неопозитивисту, что пока сон не приснится, его никак не расскажешь (выдумка сна тут не в счет, тем более что она *polens volens* будет протекать по правилам прошлого «сонного опыта»). Со своей стороны, неопозитивист с полным правом может поиронизировать над конкретными расшифровками сонных сюжетов, предлагавшимися доктором Фрейдом и его многочисленными последователями. На самом деле малопонятным остаются не только такие сюжеты, но и более общие топы сна (почему, например, нередко современные снам лица сняты в местах и ситуациях из далекого прошлого? А взрослые персонажи переселяются в интерьеры детства?).

Ко всему прочему, рассматриваемая тема осложняется наличием целого ряда родственных нормальному сну, пограничных с ним состояний организма и переживаний личности. Среди них и более или менее патологичные (гипноз, коматозы разной степени, летаргия, бредовые видения, состояния дежавю и т.п.), и сравнительно безобидные (мечты, грезы наяву, интуитивные прорывы, провидческие озарения и т.д.). Большинство этих состояний действительно, как и сравнительно обычные сны, отличаются значительной деформацией психологического времени личности, а то и биологического времени функционирования организма. Рассуждения же об изменениях физического времени во сне отличают мистический, вненаучный подход к данной проблеме. А этот последний обладает самостоятельным интересом для культуролога и методолога как один из вариантов человеческого самопознания.

Будучи объясним принципиально-схематически, как производное от фундаментальной психофизиологической проблемы, вопрос о соотношении физиологического и «нефизиологического» в природе сновидений остается по существу открытым. Еще вышеупомянутый Н. Малкольм резко критиковал исследования Н. Клейтмана и его коллег за то, что в тени сугубо физиологической методики рассмотрения сна оказывается его психология. Даже с точки зрения психоанализа и т.п. современных методик остаются недостаточно ясны принципы запоминания и забывания снов, не говоря уже о принципах организации самого их содержания.

¹² Малкольм Н. Состояние сна. М., 1993. С. 194.

¹³ Флоренский П. А. Иконогас: Избранные труды по искусству. СПб., 1993. С. 4-5.

¹⁴ Kaivola-Bregenhøj A. Dreams as Folklore // Fabula, N. Y., 1993. P. 211-224.

Впрочем, соотношение уже вполне рационализованного и еще загадочного в природе сна вряд ли стоит преувеличивать как в ту, так и в другую стороны. Ясно, что жизнь психики во сне суть активнейшее продолжение ее же сознательного функционирования, а одновременно ниша для отдыха тела и духа от этого последнего. Но что выиграла эволюция высших животных и антропогенез от этого закона «великого переключения сна и бодрствования», по каким каналам полученная «днем» информация обрабатывается «ночью», остается во многом не то, что гипотетичным для разных наук, и просто темным, загадочным для ученых и философов.

К только что сказанному примыкает и новейшая проблема виртуальной реальности, куда человек может быть погружен с помощью специальных средств (сенсорных датчиков) объединения его восприятия с компьютерными программами. В этакое киберпространство и времени подопытный воспринимает визуально все ощущения полета, купания, т.д., вплоть до секса... «Иной мир» оказывается тем самым достижимым наяву!?

Яркой иллюстрацией всего сказанного о пространственно-временных параметрах сна являются народные рассказы «про обмирания» (родственные шаманским «полетам на небеса»); инициационным испытаниям, когда «настоящее» имя соплеменник мог получить только в вещем сне в ритуальном месте), а также воспоминания пациентов, переживших клиническую смерть или иные запредельные испытания (печальной известностью пользуется на поверхностный взгляд не самая жестокая пытка заключенных в места лишения свободы – бессонницей). Вернувшиеся «оттуда» лица «подтверждают» различное течение времени и степень подчинения пространства в «посю-» и «потустороннем» мирах их деформируемой так или иначе психики¹⁵.

Не случайно фантастические сны и родственные сну ситуации «обмирания», «морока», бреда и т.п. превратились в бродячий сюжет мировой литературы (наудачу отмечу его яркие воплощения у Платона в «Государстве», в ирландском эпосе, в христианской агиографии; в многочисленных образцах авторской литературы наших дней, от Н.В. Гоголя и Н.А. Гончарова до М.А. Булгакова и А.П. Платонова; от Т. Квинси и Дж. Лондона до Ф. Кафки и Г. Гессе¹⁶. Особым пристрастием к показу мира во сне отличается интеллектуальный кинематограф, что вполне соответствует его эстетическим задачам. Усыпанный наградами за фильм «Возвращение» режиссер Андрей Звягинцев в интервью газете «Известия» сказал: «Жизнь и без того рационализирована – зритель ждет снов». Любит обыгрывать ситуацию «сон во сне, сон во сне, сон во сне» (С.М. Гандлевский) и Голливуд.

Философским рангом обладает задача соотнесения физиологии, психологии и культурологии сновидений. Можно думать, что сон как феномен ни физиологичен, ни нефизиологичен полностью, по своей сути и речь должна идти о каком-то «резонансе», мозаичном сочетании объективного состояния мозга и остального организма с субъективным состоянием спящего человеческого духа, а того и другого – с культурными институтами соответствующего социума.

Человек Нового времени, когда восторжествовала классическая наука, чаще всего довольно ясно отдавал себе отчет в том, что происходит во сне, а что наяву. Однако и с человеком этой эпохи нередко случалось, что сон по своему реализму граничил с действительностью, а то и превосходил ее в этом отношении. Скажем, сам К.Г. Юнг вспоминает о том, как во сне ему явилась умершая жена, причем этот сон сопровождался странным «чувством объективности»¹⁷. Подобные ощущения имеются в опыте едва ли не каждого из нас. Отсюда с должным эпистемическим плюрализмом стоит воспринимать убеждения представителей архаичных культур, маргинальных *сегодня* мировоззрений (мистиков, визионеров, оккультистов) о *своеобразной реальности сновидения*, чей мир в *восприятии субъекта* отличается от мира бодрствующего сознания по своим пространственно-временным и прочим возможностям.

¹⁵ Объективный разбор о критическую оценку сомнологического спиритуализма, его упомянутых мной разновидностей см.: Смит Дж. Псевдонаука и паранормальные явления. Критический взгляд. М., 2014. С. 337–360.

¹⁶ См. подробнее: Книга сновидений / сост. Х. Л. Борхес. СПб., 2000. 327 с.

¹⁷ Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. М., 1999. С. 156.

Итак, круг проблем сомнологии весьма широк и сложен. Надо ожидать нарастания интереса к ней со стороны не только естествознания, но и большинства гуманитарных дисциплин, а также повышения дисциплинарного статуса *дискурса о снах* в рамках философии, особенно с учетом ее постмодернистского дрейфа в наши дни. Тем самым в структуре современной философии появляется такой аспект, как *онейрософия* – комплексная теория душевной работы во сне и статуса феномена сновидений в культуре.

Список литературы

1. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002. – 236 с.
2. Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. – М.: Политиздат, 1980. – 498 с.
3. Тэйлор Э. Первобытная культура. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. – 326 с.
4. Амайон Р.Н. Традиционный сибирский охотничий шаманизм // Шаман и вселенная в культуре народов мира. – СПб, 1997. – С. 128–143.
5. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. – К.: София, 2000. – 480 с.
5. Розов А. И. Психологические аспекты религиозного удвоения мира // Вопросы философии. 1987. № 9. С. 118–127.
6. Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. – М.: Росспэн, 2003. – 608 с.
7. Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. – М.: Прогресс, 2001. – 440 с.
9. Петрова М. С. Классификация снов у Макробия и знание ее в средние века // Средние Века. Вып. 64 / отв. Ред. А.А. Сванидзе. – М.: Наука, 2003. – 428 с.
10. Львов А.В. Феномен сновидения в философской антропологии (На материале античной философии). Автореф. дисс. ... канд. филос. н. – СПб., СПбГУ, 2007. – 25 с.
10. Вольперт И.Е. Сновидения в свете науки. – Л.: Медгиз, 1960. – 112 с.
11. Ростеванова Е.А. Проблема сновидения в современной психологии. Автореф. дисс. ... канд. псих. н. – Тбилиси.: Изд-во АН ГССР, 1956. – 32 с.
12. Левин Я.И., Вейн А.М. Нарушения сна и бодрствования. – М., «Медицина», 1974. – 383 с.
13. Борбелли А. Тайна сна / Пер. с нем. – М.,: «Знание», 1989. – 192 с.
14. Романов А.И. Медицина сна. М.: Центр реабилитации Управления делами президента РФ. – 2008. – 374 с.
15. Ковальзон В.М. О функциях сна // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2009. Т. 29. № 5–6. С. 627–634.
16. Гибакин С.Г. Значение сна для развития ребенка // Педиатрия. 2010. Т. 89. № 1. С. 327–253.
17. Марков А. Эволюция человека. Кн. 2. Обезьяны, нейроны и душа. – М.: Астрель, 2012. – 512 с.
- Малкольм Н. Состояние сна. – М.: 1993. – 316 с.
18. Флоренский П. А. Иконостас: Избранные труды по искусству. – СПб.: Невский проспект, 1993. – 396 с.
19. Kaivõla-Bregenhøj A. Dreams as Folklore // Fabula. N.Y., 1993. – P. 211–224.
20. Смит Дж. Псевдонаука и паранормальные явления. Критический взгляд. – 2-е изд. – М.: Альпина Нон-фикшн, 2014. – 566 с.
21. См. подробнее: Книга сновидений / сост. Х. Л. Борхес. – СПб.: Амфора, 2000. – 327 с.
22. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. – М.: Изд-во АСТ. 1999. – 528 с.

THE ETERNAL SHADOW OF REALITY: AN ESSAY ON PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF DREAMS

S.P. SHAVELEV

*Kursk State Medical
University*

*e-mail:
sergei-shhavelev@yandex.ru*

The article presents an essay of the topics of oneirology. The field is a border between philosophy and a number of special sciences concerning with the nature and significance of sleep and dreams in human life and culture.

Keywords: dream, dream narrative, somnology, oneirology.